

ВРЕМЯ КРЫЛАТОЙ МЕЧТЫ

ВОТ И ПРИШЕЛ новый, 1972 год. В этот день мы еще раз желаем друг другу, чтобы был он здоровым, счастливым, хлебосольным и плодородным и чтобы непременно — мирным. Мы желаем того же друзьям, знакомым, да и просто всем живущим на земле людям.

Так уж устроена ныне жизнь, такое сегодня время, что не может и не имеет права человек замыкаться в своем мире, думать только о своем личном счастье. Радиопередача, ворвавшаяся в его дом, телерепортаж, газеты, книги, журналы... Век массовой информации невольно заставляет каждого чувствовать пульс планеты.

И речь не столько даже об осведомленности в делах, совершающихся на Земле. Когда за утренним или вечерним чаем вы слышите о сражающихся вьетнамских патриотах, о демонстрации, жестоко подавленной в Белфасте, о том, что еще для миллионов людей земля остается голодной, бесприютной, — нет, вы не можете просто есть, пить, спать, ходить на работу, читать книги... Это мир стучится у порога вашего дома, призывает каждого посмотреть шире, чувствовать глубже, относиться к своей собственной жизни ответственнее, примеряя ее к бегу времени.

МЫ ЖИВЕМ в необыкновенный век. В век социальных революций, фантастических научных открытий, невиданных взлетов техники. Человек «укрощает» пространство и время. Но и время меняет человека, предъявляя к нему свой повышенный счет.

Говорят, будто нынешний научно-технический век иссушает человека, делает его более рационалистичным, рассудочным, не оставляя места для эмоций. Нет, не иссушает, а напротив — открывает и возвышает. Многомесячная на космических скоростях дорога к Марсу — это реальность и это фантастика! Телевидение ведет об этом передачи, делают снимки. На наших глазах выполняется фантастически трудная программа, которую задол аппаратам, созданным своими руками, Человек. А мы говорим уже о Сатурне, о самом «крае» Солнечной системы...

Наука — это романтика нашего времени. Это крылья, которые поднимают

над мелочностью житейских забот, над примитивностью эгоистических интересов. И еще думаешь — наш век демонстрирует такую силу человека, его коллективному уму, коллективному таланту, безграничные его возможности, что настало время приближать к этим «человеческим» высотам личность и жизнь каждого. Нам надобно побороть в себе консерватизм представлений, привычек, поступков, консерватизм желаний «жить по старинке», как кажется порой удобнее, спокойнее, проще.

Хотите верить, хотите нет, но для меня тот, кто противится внедрению новой техники на своем предприятии, и тот, кто равнодушно глядит, как мутнеют прозрачные воды от химических отходов его завода или чернеет воздух над крышами домов, и тот, кто, не дрогнув сердцем, подстреливает косулю и жарит ее на костре в лесу, — люди одного порядка. Право, при всей своей разности, разве не поразительно похожи их нежелание взглянуть дальше себя, подумать не только о себе, а о том, что же останется на земле после их поступков?

Все для блага человека, все во имя человека — таков закон нашей жизни. Но вот ведь что иногда получается. Некоторые толкуют этот закон по-своему: дальнейшее увеличение материального благосостояния людей. Здесь ставится ими точка, словно дальше не следует — на основе совершенствования производства и роста производительности труда, на основе сознательного коммунистического отношения человека к труду.

Да, у нас выпущено много товаров, много вещей — и будет их в текущей пятилетке еще больше, хороших и разных. Только не хотелось бы, чтобы в представлении даже небольшой группы людей этот мир, который мы сообща строим, держался бы на подобных «ки-тах» — квартира, дача, машина и т. д. и т. п. Нет, эти мерки потребительского общества нам не подходят. Можно ли одной вещью, двумя, даже десятком сделать человека счастливым? И вообще можно ли миром вещей истощать понятие счастья?

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС,
лауреат Ленинской премии

□ □

Вещь призвана служить дальнейшему духовному, внутреннему обогащению человека, а не превращать его в лилипута и, по сути дела, в своего раба. А ведь порой случается поработает она даже хороших, талантливых людей...

ТРУДНО СОЗДАВАТЬ на земле что-то новое. Когда человек в творческих муках создает это «что-то», чего до сих пор не было, счастлив ли он в это время? Или же счастье приходит потом, когда трудная работа завершена, вместе с отдыхом и облегчением? Или же тогда, когда видишь плоды своего труда уже в руках других людей, как мастер — свою красивую поделку, поэт — томик страданных стихов, рабочий — свой серебристый лайнер, уносящийся к звездам?..

Этому представлению о счастье, как службе людям, приходится еще бороться с консерватизмом, с эгоизмом, с провинциализмом мышления и местничеством... И тут новое время работает на нас. Но и мы должны помочь этому чувству скорее восторжествовать в сердцах людей.

Мне часто доводится выезжать из дома — по дорогам родной республики, по стране, по другим землям и континентам. Встречаться и беседовать, спорить, сопоставлять, сравнивать. Вдали от дома как-то еще ярче видишь наши человеческие преимущества. Наши люди внутренне красивы, не заражены практицизмом, не заняты только сами собой. И мечтать умеют крылато. И, опираясь на это заложенное в наших людях богатство, мы должны еще многое приумножить в эмоциональной сфере жизни человека, в области искусства, воздействующего на людей своей образной силой.

Совсем недавно на разных дорогах за рубежом я встречал много молодых парней с котомками за плечами. Едут они «автостопом» — на крышах автобусов. Ходят по храмам с книжками и путеводителями в руках. Скандинавы, американцы... Интерес к духовным ценностям прошлого очень велик сейчас у молодежи. Познать свою собственную жизнь, не окунавшись в прошлое, не почувствовав себя «во времени и пространстве», — почти невозможно.

Но дело не только в этом. Видимо, не находила она в жизни своего современно-го буржуазного общества того, что питало бы ее духовно, вело бы вперед.

Мы иногда как-то уж слишком упрощенно относимся к прошлому. Нам кажется, например, смешными и нелепыми алхимиками, собиравшиеся получить золото из обыкновенного металла, разделить круг на квадраты или мечтательные изобрести «перпетуум мобиле». Конечно, золота они не получили, и круг не поделили, и вечный двигатель не нашли... А все-таки была подобрана обществу поэтическая фантазия. То были наивные фантасты, которые не давали застыть человеческой мысли в средневековых догмах.

ИСТИННАЯ ПОЭЗИЯ, искусство вдохновлять людей на открытие нового, ставят перед человечеством животрепещущие проблемы. Вы покупаете томик стихов не для того, чтобы, пролистав и «ознакомившись», поставить его на полку. Пройдет время — и вас потянет: значит, что-то задело в стихах, запало в душу. Сколько раз мы возвращаемся вновь и вновь к Блоку, Есенину, Толстому! Не все вспоминаем, одно-два произведения, отрывок, даже иногда одну только строчку. Это как в музыке — вы снова прослушаете ноктюрн, сонату — нельзя же всего композитора! Или спустя какое-то время после спектакля вдруг начинаете отыскивать причину своего внутреннего беспокойства. Перебираете в памяти и находите: вот оно — да, театр, это он расстроил вас, не дал успокоиться, все это время изнутри подготавливал вашу мысль.

Приходят новые мысли, настроение. Откуда они берутся — эти мысли, настроение? От той атмосферы, что окружала вас при встрече с искусством. Вы и не заметили, как стали духовно богаче и выше (не оттого, что прочли с десяток лишних страниц да запомнили несколько новых названий). Вы не остановились, не успокоились, вы двигались вперед. Вам помогало в этом искусство того или иного художника неотде-

ливо от жизни всего общества.

Кто в основном сегодня читает поэзию? Молодежь. Ее интересует мысль, раздумья поэта о жизни, отлитые в блестящую форму (вы ведь не покупаете некрасивых вещей, как бы велико ни было их назначение), а не безделушки, которые легко исполнять под звон гитары... Искусство не имеет права на одну лишь констатацию факта, как и на красивое чистописание. Поэт обязан обобщить, опозитизировать факт. Если он не умеет его осмыслить, если ему нечего сказать, наивно полагать, будто эту работу за него доведет до конца читатель. В этом гигантском мире поэзия, искусство должны иметь свой голос, свой взгляд и свои открытия.

Наверное, можно писать красивые строки о природе, порою жалеть про себя, что многое в ней гибнет от равнодушной чужей-то руки. И при том — в свое удовольствие ловить рыбку. Ходить в лес. И жить себе спокойно...

Но мы, люди нового общества, должны активно вторгаться в жизнь — каждый на своем участке. И на поэтическом фронте — тоже!

Мне кажется, сегодня написать восторженную оду о космическом полете все-таки уже мало. Как ни старайся, это будет риторика и пустословие, если хотите. Сегодня мир располагает конкретным материалом, и о космосе мы можем (и должны) писать так, как об освоенной земле, а не просто выражать свои восторги и радость «по поводу». Разве сам этот факт — полет в неведомое — ничего не родил в душе поэта? Не подтолкнул его фантазию, не разбудил его мысль? Не заставил поискать «свое» и поделиться своим открытием с читателем? Иначе и быть не может — такое время нынче. Время открытий!

НАШ ВЕК вносит свои коррективы и в поэтическую палитру. Чувствую это по себе и своим собратьям по перу. Более глубоким, содержательным и более раскованным стал стих, словно распахнутые научкой горизонты ворвались и в поэзию. Появилась новая поэтическая метафора — не узкая, локальная и, я бы сказал, местная, а вобравшая в себя мироощущение Земли, всего человечества. Графически я рисую себе метафору, похожую на ядро атома, или на то, что видим мы в электронный микроскоп. И космические рисунки — увиденное, освоенное, пережитое — тоже переходят

в поэтическую метафору, меняют ее.

Конечно, будут и впредь писать стихи о березках, прудах и речушках. Это все поэтически соседствует — и пейзаж, и космос. И в жизни нас трогает тихая красота подкрашего вечера, мятежит непогода и все-таки волнует, будоражит энергия солнца в невидимом атоме. Я думаю, новое — не в метафорическом языке, а в обновлении самой нашей жизни, и образы ее без приглашения врываются в поэзию.

Новое в творчестве рождается мучительно трудно. Проще идти проторенными путями, но, скажите, кому это нужно сегодня? Век призывает поэта широко думать. И когда сядешь к письменному столу, надо думать о Литве, о Грузии, о России, о звездах, а не только о березке, которую видишь за окном. Иначе и быть не может — ведь каждый из нас чувствует себя сыном великого национального братства.

Мы считаем, что нынче у нас в Литве прошел «грузинский год». Не потому, что жарким было прибалтийское лето и щедрой, богатой осень. Когда срывались с деревьев последние плоды и школьники пришли в классы, вышло чудесное издание «Витязя в тигровой шкуре» на литовском языке. И сколько молодых людей познакомилось с грузинским поэтическим прошлым, узнало о стране гор и смелых людей. А сравнительно незадолго до этого Григор Абашидзе перевел на грузинский «Времена года» Донелайтиса — и был тогда в Грузии «литовский год».

И таких «русских», «литовских», «таджикских», «грузинских» годов было у нас много. А сколько их еще будет! Ведь у всех нас одна ярко выраженная цель — строительство коммунизма и воспитание нового человека. Одна цель. Средства же — многообразные.

Сегодня поэт должен чувствовать себя человеком космического века. Мы живем в суровое время, когда на одной планете идут и освободительные войны, доживают свой век варварство и фашистские диктатуры, и вместе с тем торжествует человеческий разум, свободный труд свободного человека.

Нам предстоит корректировать, как космический полет, жизнь — это наша задача, задача коммунистов. И мы обязаны это делать, как зачинатели и строители невиданного, большого счастья для людей планеты Земля.